

² Баторский А.А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. СПб., 1891. С. 13.

³ Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. СПб., 1888.

⁴ Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги // Сборник материалов по Азии. Вып. 86. СПб., 1913.

⁵ Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. V. Омск, 1883.

⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 217. Оп. 2. Д. 74. Л. 2.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 12. Д. 13280.

Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. II. - СПб., 1871. С. 356.

⁹ Ихэтуань данань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). Т. 2. Пекин, 1959. С. 444.

¹⁰ Там же. С. 443.

¹¹ Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915. С. 5.

У.Б. Очиров

К вопросу о численности калмыцких этнических групп за пределами калмыцких кочевий в кон. XVII – нач. XX вв.

В XVII-XVIII вв. в калмыцких улусах неоднократно вспыхивали междоусобные столкновения, в результате которых ряд этнических групп ушел за пределы калмыцких кочевий, а некоторые из них при этом приняли православие и перешли к оседлому образу жизни. Калмыцкие феодалы и духовенство пытались воспрепятствовать этим процессам, но к концу XVIII в. численность «мигрантов» достигла уже 22,6 тыс. человек¹ (более 25,6% численности всего калмыцкого народа). Исследование динамики численности калмыцких этнических групп за пределами Калмыцкой степи осложняется отсутствием развернутых статистических исследований, особенно

в конце XVII – 1-й половине XVIII в. Анализ ситуации также затрудняется отсутствием стандарта в исчислении населения в источниках того времени. Общая численность калмыков упоминается редко, чаще используются такие показатели, как количество кибиток, лиц мужского пола, мужчин, годных к воинской службе. Тем не менее, имеющиеся материалы позволяют составить достаточно полную картину динамики численности этих групп.

Наиболее крупной этнической группой являлись донские калмыки. При сведении всех показателей к единому знаменателю пришлось принять ряд условностей, имеющих приблизительное значение. При исчислении семьи используется условный показатель 1:4,5, количество лиц мужского пола считается равным количеству лиц женского пола, количество мужчин, годных к воинской службе, соотносится с общим числом лиц мужского пола приблизительно как 1:5. Например, в Большедербетовском улусе в 1799 г. значилось 9525 лиц мужского пола, из которых 2016 считались годными к воинской службе², т.е. это соотношение равно примерно 1:4,7. На Новую Днепровскую линию в 1778 г. было переведено 378 доломановских калмыков мужского пола, в том числе 73 служилых³, здесь этот показатель равен 1:5,2. Поэтому, на наш взгляд, усредненный показатель 1:5 при работе с группами донских калмыков вполне приемлем.

Первые крупные группы калмыков на Дону появились в последней трети XVII в. В 1670 г. на Дону появился улус торгуютовского тайши Бока, положивший начало поселению калмыков на Дону⁴. В конце 70-х гг. XVII в. поселение калмыков появилось и в слободской Украине, в Чугуеве⁵. После разорения поселения крещеных калмыков на р. Терешке российское правительство приняло решение о направлении всех крещеных калмыков на поселение в Чугуев. Позже на Дон стали прибывать другие группы калмыков, причем не только крупными улусами, но и небольшими семьями. После того, как ситуация стабилизировалась, калмыки вновь возвращались к своим кочевьям, до новых междоусобиц. Например, дербетовские улусы за 130 лет (1670-1800 гг.) откочевывали на Дон восемь раз (в 1690, 1701, 1717, 1723, 1741, 1762, 1788, 1795 гг.)⁶.

Однако часть калмыков во время этих перекочевок осталась на Дону и вошла в состав войска Донского на условиях несения казачьей службы. В 1695 г. после возвращения дербетов Четера и Чер-

кес-батыра к своим кочевьям на Дону осталась группа калмыков, способная выставить 600 воинов. При возвращении улусов Менко-Темира в 1704 г. казачьим властям удалось удержать у себя группу дербетов, имеющих 555 «человек, способных к службе». В 1723 г. на территорию войска Донского откочевали зюнгары Даши-Батора, дербеты Четеря и Лабан-Дондука, где 300 кибиток калмыков «поступили в казачье звание»⁷. В 1733 г. на Дон перекочевал зюнгарский улус Будучжаба, который вошел в состав казачьего войска⁸. Кроме того, значительный процент донских калмыков могли составить мелкие группы и одиночные беглецы. Известно, что в период 1736-1753 гг., когда ситуация в калмыцких улусах была достаточно стабильной, на Дон бежало 366 кибиток (1515 человек). Эти группы калмыков были возвращены владельцам, но те, кто ушел раньше, остались в составе войска Донского. К концу XVIII в. общая численность донских калмыков составляла около 10 тыс. человек⁹.

В конце XVIII – начале XIX вв. на территории нынешней Украины кочевали довольно крупные группы калмыков, несущих казачью службу. На Новой Днепровской линии с 1778 г. кочевало более 760 доломановских (беляевских) калмыков¹⁰. Согласно IV ревизии (1782 г.) численность калмыков Екатеринославской губернии составляла 968 человек¹¹. Когда формировалось Екатеринославское казачье войско (1788 – 1796 гг.), в его состав вошли 1014 чугуевских калмыков-мужчин¹². Исходя из этого, можно предположить, что общая численность беляевских и чугуевских калмыков в тот период составляла 3 тысячи человек. По данным V ревизии (1795 г.), в Новороссии было 13622 донских, чугуевских и беляевских калмыков¹³. В 1803 г. беляевские и чугуевские калмыки вошли в состав войска Донского.

Некоторые исследователи полагают, что в состав донских калмыков позже перешли другие группы¹⁴. Например, в 1818 г. пристав Ю. Тапилин сообщил, что на территорию войска Донского перешли 3 тысячи кибиток дербетов. Однако, по данным Калмыцкого правления в 1819 г. на Дону числилось 13326 калмыков¹⁵, т.е. эта группа не вошла в состав донских улусов. В 1832 г. в результате тяжелого кризиса из Малодербетовского улуса начались массовые побег. Около 2 тыс. кибиток откочевали на Дон, но они были воз-

вращены. Еще 975 кибиток из Ульдючинов, Чоносов и части Кевюдов бежали на Ставрополье и в область Кубанского войска, однако 700 кибиток позже вернулись к своим кочевьям. Что касается оставшихся 275 кибиток, то Н.Н. Пальмов полагал, что им удалось пробраться на Дон¹⁶. Указов об их переводе в состав казачества нам найти не удалось, но в более поздних документах есть упоминания о новых сотнях в составе Калмыцкого кочевья: Кевюдовской и Геленгекинской. Это подтверждают и данные переписей, согласно которым численность донских калмыков увеличилась с 13622 человек в 1822 г. до 16505 человек в 1834 году¹⁷.

К 1840 г., когда учет донских калмыков стал ежегодным, их численность выросла за 6 лет еще на 2910 человек. Такой демографический всплеск мог быть вызван как установлением более точной системы учета, так и приходом новых групп населения. В течение следующих 31 года численность донских калмыков увеличилась на 6721 человек (в среднем на 216 человек в год), несмотря на то, что в 1841, 1845, 1847, 1848, 1850 гг. были периоды спада. В 1840, 1841, 1846, 1866, 1869 гг. отмечены резкие колебания в динамике народонаселения. Например, в 1840 г. численность донских калмыков увеличилась на 2128 человек, а в следующем году она сократилась на 3114 человек. Колебания до 1870 г., скорее всего, были вызваны перекочевками донских калмыков за пределы калмыцкого кочевья. Это подтверждается и тем, что прирост населения очень редко совпадал с цифрой превышения рождаемости над смертностью. Например, в 1870 г. численность донских калмыков к 1 января 1870 г. увеличилась на 1863 человека, в то время как превышение рождаемости над смертностью составило 420 человек¹⁸. В последующем, динамика роста населения донских калмыков продолжала оставаться устойчивой (средний ежегодный прирост – 220-227 человек). Согласно данным Всероссийской переписи 1897 г. на Дону было около 32 тысяч калмыков¹⁹. «Памятные книжки Области Войска Донского» показывают другие данные, например, численность калмыков в 1898 г. была определена в 28 тысяч человек, на начало XX в. – 28,6 тысяч, а на 1903 г. – 30,6 тысяч, на 1913 г. – 31,5 тысяч²⁰.

Следующей по численности была группа ставропольских калмыков. Ставропольское войско было образовано в 1738 г., когда

царские власти поселили крещеных калмыков под управлением княгини Анны Тайшиной на средней Волге возле крепости Ставрополь²¹. К 1754 г. их число составляло 8695 человек²². После разгрома Джунгарского ханства в 1755-1759 гг. в состав Ставропольского войска вошло еще 2961 человек из числа ойратов²³, прибывших с территории Центральной Азии. Таким образом, общая численность ставропольских калмыков в середине XVIII в. превысила 11,5 тысяч человек. При сведении различных показателей к единому знаменателю использовались те же критерии, что и у донских, за одним исключением: соотношение мужчин, годных к службе, с общим числом лиц мужского пола для ставропольских калмыков равняется приблизительно 2:5. Например, из 4304 мужчин, числившихся в 1768 г., «способными к службе» считались 1816 человек²⁴, т.е. это соотношение было равно 2:4,7. В 1805 г. это соотношение было равно 2:5 (1030 годных к службе из 2554 калмыков)²⁵. Это различие было вызвано тем, что у ставропольских калмыков, формально считавшихся крещеными, ламы и гелюнги не имели льгот и зачислялись на военную службу. Однако ставропольских калмыков не устраивали условия жизни в казачьем войске, поскольку им пытались навязать оседлый образ жизни.

9 февраля 1764 г. астраханский губернатор Н.А. Бекетов сообщил Екатерине II о том, что до тысячи семей калмыков бежали из ставропольского поселения из-за неблагоприятного климата и ностальгии по родным местам²⁶. По данным III ревизии на Средней Волге численность ставропольских калмыков сократилась до 8,5 тыс. калмыков²⁷. В декабре 1768 г. в Ставропольском войске значилось уже 8217 калмыков²⁸, а в 1771 г. – 8015 калмыков²⁹. К.П. Шовунов утверждал, ссылаясь на данные ЦГИАР, что к 1771 г. численность ставропольских калмыков возросла до 14 тысяч³⁰, однако эти цифры вызывают сомнения.

В ведомстве Оренбургской губернии находились также уральские и оренбургские калмыки. В 1725 г. 110 калмыков вошли в состав Яицкого войска. После этого в состав войска по решению Оренбургской администрации было зачислено еще несколько групп и к 1748 г. их численность составила 470 калмыков, годных к службе, в том числе некрещеных. После требования Дондук-Даши в 1749 г. о возвращении их в улусы 84 некрещеных калмыка приняли православие, остальные были возвращены³¹. В 1748 г. был создан Орен-

бургский казачий корпус, четверть штата которого составляли крещеные калмыки, татары и мецгеряки. В составе Оренбургского корпуса были сформированы две роты из числа калмыков «ныне тамо обретающихся»³². Позже в состав корпуса зачислялись другие группы калмыков – вышедшие из казахского плена и Джунгарии. Согласно III ревизии в Оренбургском уезде в 1762 г. кочевало 1483 калмыка³³. По данным Т.И. Беликова в 1773 г. в числе прихожан г. Оренбурга значилось 226 кибиток калмыков (895 человек)³⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что к 1771 г. в корпусах Оренбургской губернии числилось до 10 тысяч калмыков.

Однако численность калмыков в Среднем Поволжье и Южном Приуралье продолжала сокращаться. Большой урон нанесла крестьянская война 1773-1775 гг.: если в 1771 г. насчитывалось 8 тыс. ставропольских калмыков, то в 1774 г. – не более 5,5 тыс.³⁵ По данным IV ревизии численность оренбургских калмыков сократилась до 200 человек³⁶. Кроме того, в 1776 г. Ставрополь был закрыт для новых переселенцев-калмыков³⁷. По данным V ревизии численность ставропольских и оренбургских калмыков возросла на несколько сотен (до 6,3 и 0,5 тыс. соответственно), вероятно, за счет улучшения системы учета. Уральские калмыки по этим переписям не учитывались и проследить изменения численности этой группы во 2-й половине XVIII – начале XIX вв. довольно трудно. Однако условия службы в казачьих войсках для калмыков оказались очень тяжелыми, что привело к их разорению и обнищанию. Отрицательно сказались на состоянии здоровья калмыков «дурная пища, зимние холода и особенно дурное устройство жилищ». Средняя продолжительность жизни ставропольских калмыков в этот период не превышала 40 лет. В улусах была высокая детская смертность: 72% умерших составляли дети в возрасте до 3 лет³⁸. Если в 1805 г. в войске числилось 2554 калмыка мужского пола, то в 1840 г. – уже 1749³⁹. В 1842 г. был издан указ об упразднении Ставропольского войска. Калмыки в количестве 3321 человек были переведены в Оренбургское войско и расселены малыми группами среди иноэтничного населения, что привело к быстрой ассимиляции.

Время показало, что политика обоседления и ассимиляции оренбургских (ставропольских) калмыков имела весьма трагические последствия. В 1866 г. численность оренбургских калмыков состав-

ляля всего 2770 человек, а к 1893 г. сократилась до 1288 душ. Условия, не соответствовавшие образу жизни калмыков, вели к вымиранию целых селений. Резкий переход от полукочевой жизни к оседлой тяжело отразился на всем калмыцком поселении. В Оренбургской губернии калмыки преследовались за любое проявление кочевой жизни, им запрещалось ставить кибитки, вести традиционный образ жизни⁴⁰. Первая всеобщая перепись 1897 г. зафиксировала в Оренбургской губернии 1204 человека⁴¹.

Группа уральских калмыков, видимо, переживала схожий кризис, хотя и не в столь тяжелых формах. Подавляющая часть уральских калмыков вела кочевой образ жизни, хотя перекочевки разрешались только 4 месяца в году. По данным на 1845 г. в войске проживало около 1200 уральских калмыков, а в 1862 г. зарегистрировано 1184 калмыка. Однако в результате высокой смертности численность их катастрофически падала. Например, за период с 1876 по 1885 гг. родилось 450, а умерло 574 человека, т.е. темпы роста населения были отрицательными (-124). В 1885 г. в Уральском войске числилось 934 калмыка, а к концу XIX в. – всего 706⁴².

После ликвидации Калмыцкого ханства 1771 г. образовалась еще одна этническая группа за пределами калмыцкого кочевья – терские калмыки. В 1777 г. 80 калмыцких кибиток из 200, бежавших под покровительство астраханской епархии, стали переселяться на Северный Кавказ, где 495 калмыков были причислены к Моздокскому казачьему полку сверх штата⁴³. Переселение остальных 120 семей обычно датируют 1780 г., но в данных IV ревизии они не учтены. К концу XVIII в. терские калмыки разделились на три группы: Верхний улус (расположенный ближе к Моздоку) и Нижний (у Кизляра) улус и группу кумских калмыков, поселившихся между реками Кума и Гайдук. Калмыков из Верхнего и Нижнего улусов стали именовать «хуторскими». Численность этих групп постоянно колебалась: в 1794 г. на Тереке значилось 1052 человека, в 1800 г. – 800, в 1809 г. – 1058⁴⁴. Однако в целом их численность увеличилась и к 1905 г. достигла 4392 человек. Столь необычный для кочевников рост населения, на наш взгляд, объясняется тем, что терским калмыкам перекочевывали калмыки из приволжских улусов. По мнению ряда исследователей, это было вызвано тем, что Терское войско имело широкие неконтролируемые степи, а служба

здесь была не столь тяжелой, как в других войсках. Поэтому многие калмыки, недовольные условиями жизни в приволжских улусах, могли тайно переходить на Терек⁴⁵. С конца XIX в. вопросы землепользования на Кавказе стали упорядочивать, и территория, занимаемая калмыками, стала сокращаться. Видимо, это и привело к оттоку населения в начале XX в.: в 1908 г. числилось уже 4079 терских калмыков.

В дореволюционный период из состава калмыцкого народа выделились еще несколько групп: шереты, астраханские казаки-калмыки и др., но их численность была невелика. Согласно переписи 1897 г., в Ставропольской губернии проживало 1323 калмыка, а на территории области Кубанского войска значилось 378 калмыков. В Астраханском войске на 1904 г. было зарегистрировано 960 калмыков, а к 1911 – уже 738⁴⁶. Все эти группы были слишком малочисленны, чтобы представлять из себя устойчивые субэтноты, что вело к постепенной ассимиляции.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что этнические группы за пределами Калмыцкой степи представляли собой почти четвертую часть калмыцкого народа: в конце XVIII в. – более 25,6%, в конце XIX в. – более 22,5% всего калмыцкого населения. Однако темпы роста населения у этих групп были совершенно разными. Так, если кочевников принуждали к смене образа жизни, как это было со ставропольскими и оренбургскими калмыками, то это приводило к резкому увеличению смертности. Если же калмыкам позволяли сохранять прежний образ жизни и проживать компактной группой, как, например, донским, то это способствовало росту населения даже по сравнению с астраханскими улусами. Например, за период с 1795 по 1897 гг. численность Калмыцкой степи (с учетом Большедербетовского улуса) выросла на 211,4%, а численность донских калмыков за этот же период увеличилась на 237,5%.

¹ Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 225-230.

² Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 17. Л. 55.

³ Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества. Элиста, 1992. С. 63

⁴ Гучинов М.И. Об отношениях калмыков с донскими казаками во второй половине XVII века // Вестник КНИИЯЛИ. № 3. Элиста, 1968. С. 90.

- ⁵ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 43.
- ⁶ Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С. 105, 132, 248-254; Шовунов К.П. Указ. соч. С. 36, 39-40, 66-67 и др.
- ⁷ Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 17. Л. 38.
- ⁸ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 38-40.
- ⁹ Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. (Заселение и хозяйство). Под ред. А.П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1977. С. 32.
- ¹⁰ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 63.
- ¹¹ См.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 248.
- ¹² Шовунов К.П. Указ. соч. С. 166.
- ¹³ См.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 228.
- ¹⁴ Борисенко И.В. Численный состав калмыков в основных ареалах их расселения (XVIII – начало XX вв.) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1982. С. 61.
- ¹⁵ См.: Шовунов К.П. Указ. соч. С. 70.
- ¹⁶ Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК). Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 158. Лл. 106-107, 214.
- ¹⁷ Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 23. Л. 27.
- ¹⁸ Маслаковец Н.А. Статистическое описание кочевья донских калмыков / Труды областного Войска Донского Статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 37.
- ¹⁹ См.: Митиров А.Г. Указ. соч. С. 350.
- ²⁰ Памятная книжка Области Войска Донского на 1904 г. Новочеркасск, 1904. Раздел II. С. 16. Раздел III. С.8; Памятная книжка Области Войска Донского на 1915 г. Новочеркасск, 1915. Раздел II. С. 12.
- ²¹ Беликов Т.И. Ф.И.Дербетев - сподвижник Пугачева. Элиста, 1978. С. 11.
- ²² Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Элиста, 1967. С. 205.
- ²³ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 135.
- ²⁴ Беликов Т.И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева (1773-1775). Элиста, 1971. С. 72.
- ²⁵ З-в Н. Исторический обзор ставропольских калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1848. Т. XXXV. № 7-8. Отд. 2. С. 34.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 190. Л. 8.
- ²⁷ Кабузан В.М. Указ. соч. С. 84-85.
- ²⁸ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 136.
- ²⁹ З-в Н. Указ. соч. С. 32.
- ³⁰ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 136.
- ³¹ Научный архив КИГИ РАН, Ф. 4. Оп. 2. Д. 170. Л. 18.
- ³² Архив внешней политики Российской империи. Ф. 119. Оп. 1. 1750 г. Д. 17. Л. 23.
- ³³ См.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 248.

- ³⁴ Беликов Т.И. Указ. соч. С. 36-37.
- ³⁵ З-в Н. Указ. соч. С. 33.
- ³⁶ См.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 227.
- ³⁷ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 190. Л. 8.
- ³⁸ Беликов Т.И. Ф.И. Дербетев - сподвижник Е.И. Пугачева. С. 34.
- ³⁹ З-в Н. Указ. соч. С. 35.
- ⁴⁰ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 157.
- ⁴¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 10.
- ⁴² Шовунов К.П. Указ. соч. С. 162.
- ⁴³ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 190. Л. 15.
- ⁴⁴ Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и скотоводству. СПб., 1809. С. 423.
- ⁴⁵ Шовунов К.П. Терское поселение калмыков // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С. 100.
- ⁴⁶ Борисенко И.В. Указ. соч. С. 51.

В.П. Санчиров

О материальной культуре ойратов XIII-XVII веков

Самобытная материальная культура монгольских народов, являющаяся составной частью цивилизации Центральной Азии, изучена еще далеко недостаточно. Однако даже то, что о ней известно, позволяет говорить о довольно высоком, применительно к центральноазиатским условиям, ее развития. В докладе академика Б. Ширендыба на открытии Международного симпозиума «Роль кочевых народов в цивилизации в Центральной Азии», проводившегося в Улан-Баторе в мае 1973 г. под эгидой ЮНЕСКО, особо отмечалось значение для науки цивилизации такого обширного региона, каким является Центральная Азия: «Данный регион был довольно рано заселен первобытным человеком, здесь же возникло и развивалось первое крупное разделение общественного труда в форме кочевого скотоводства, а в дальнейшем образовались многие кочевые племенные союзы и государства»¹.

Предки средневековых монголов и ойратов – различные древнемонгольские и родственные им племена вошли в состав единого этнополитического объединения монголов, существовавшего в период империи чингисидов (XIII-XIV вв.). Специфические особен-